

О.Н. Алмазова
магистр психологии, старший преподаватель
кафедры общеобразовательных дисциплин,
Алматинский филиал Санкт-Петербургского гуманитарного университета
профсоюзов, г. Алматы, Республика Казахстан
E-mail: akchisko_san@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1828-3734>

История и современное состояние научно-фантастической литературы: темы, идеи, авторы

Аннотация: В статье рассматривается процесс постепенного преобладания психологии скептицизма в фантастике. В качестве цели обозначено отслеживание перехода от оптимизма к скептицизму. Для исследования использован метод сравнительного анализа с выделением параметров. Анализ построен на противопоставлении классики и современности, как было и как стало. Задачи исследования – сравнения классической и современной фантастики с позиций тематики и идейного содержания. Научная фантастика с момента своего появления рассматривалась как окно возможностей. Сегодня стало общим местом, что некоторые возможности становятся недоступными в силу изменений. Изменился как внешний мир, так и люди, оба эти аспекта учтены в концепции жизненных миров Ф. Василюка, которую также определяют как «психология переживания». Герои всех типажей в научной фантастике, как и в художественной литературе в целом, встречаются на любом этапе ее существования. Однако, проследив динамику, можно заметить постепенную смену направленности популярных сюжетов. Классическая фантастика характеризуется такими базовыми принципами, как развитие, прогресс, энтузиазм и оптимизм. Для современной научной фантастики характерна ценность сохранения, преобладание идей упадка и прагматизма, а также сомнения в этичности освоения новых пространств. Обозначены основные темы фантастической литературы: зависимость от техники, освоение психосферы, стремление к обогащению, исследование и право на него.

Ключевые слова: скептицизм, наука, переживание, развитие, сохранение, прогресс, упадок, энтузиазм, прагматизм

Благодарности: автор выражает благодарность Марюхиной Татьяне Максимовне (учитель литературы), Байшукуровой Анаре Кадыркуловне (кандидат биологических наук, доцент), Логиновой Наталье Анатольевне (доктор психологических наук, профессор), а также Алмазовым Николаю Станиславовичу (отец) и Людмиле Васильевне (мама) за оказанную помощь в проведенном исследовании.

Введение

Тема освоения новых пространств актуальна для человечества в разных аспектах: в плане безопасности, хозяйствования, развития иных возможностей, в том числе она затрагивает и психологическое благополучие. Логично, что это нашло отражение в научной фантастике периода ее расцвета (1940-1970-е годы). На разных уровнях строили оптимистичные планы об освоении космического пространства, расширении возможностей народного хозяйства, преодолении голода и социальных проблем и т.п. Все это находило отражение в художественной литературе. В данной статье рассматривается, каким образом эта повестка постепенно сошла с исторической арены.

Авторы классической фантастики говорят о возможностях, в том числе психологического плана: внешнего и внутреннего. На интрапсихическом уровне герой в процессе решения научно-фантастической задачи обязан проявить волю, закалить

характер, выработать и проверить систему ценностей. На интерпсихическом уровне это построение взаимоотношений с внешним миром: адаптация, тренировка коллективизма / командного духа, изменение среды. С 80-х годов в новой фантастике уклон в психоделику приобретает выраженный интрапсихический характер, где развитие способностей зачастую само по себе (хотя и помогает выживать), а среда сама по себе. В связи с такой тенденцией интересно рассмотреть изменение персонажей и тематики с позиций концепции жизненных миров Ф. Василюка, которую также определяют как «психология переживания».

Ход исследования

Ниже предлагается таблица, где схематично представлена классификация некоторых персонажей в зависимости от их принадлежности к типу переживания:

Типология миров	Классика	Современность
Внешний легкий / внутренний простой («пария»)	Трурль и Клапауций, Язон дин Альт, Френк Арнольд	Генри Кейс, Хиро Протагонист
Внешний трудный / внутренний простой («маньяк»)	Хогбены, команда «Королевы Солнца», Ричард Грегор	Сергей Сеятель, Марк Уотни, Уэйд (Парсифаль)
Внешний легкий / внутренний сложный («ценностный»)	Пиркс, Ихтиандр, Эрг Ноор, Дар Ветер	Гордон Кранс
Внешний трудный / внутренний сложный («виртуоз»)	Джон Картер, Алиса Селезнева	Джеймс Холлидей

Согласно концепции Ф. Василюка, внешний мир подразделяется на легкий и трудный, внутренний – на простой и сложный. Парии существуют в реальности момента и воспринимают только свои желания. Маньяки осознают, что мир не даст им сразу то, чего хочется, и способны к планированию и построению стратегии. Основная сложность жизни ценностного типа – их собственная совесть, внутренние ограничения. Наконец, виртуозы осознают, что и они раздираемы внутренними противоречиями, и вплетение внешних интересов является проблемой, и способны существовать в двойной сложности.

Стоит отметить, что внешний мир представлен именно субъективно в понимании героя, и зачастую фабула фантастического произведения строится на ошибочности восприятия героя, и рост происходит за счет того, к примеру, что последний осознает: мир не так прост, как кажется. Либо, наоборот, не сложен вовсе. Также распространен сюжет, когда у примитивного типажа в результате пережитого развивается внутренняя жизнь и появляется этическая опора.

Из таблицы следует, что герои всех типов в научной фантастике, как и в художественной литературе в целом, встречаются на любом этапе ее существования. Однако, проследив динамику, можно заметить постепенную смену направленности популярных сюжетов. Это явление связывают с общей сменой настроений в глобальном обществе.

Научная фантастика с момента своего появления рассматривалась, как окно возможностей. Сегодня стало общим местом, что некоторые возможности становятся недоступными в силу преобразований социальных, политических, экономических и психологических. Изменение общества притом подразумевается как данность. «Миф о «правильной» смене общественных формаций подкрепляется важным мифом эволюционизма. Своими корнями этот миф уходит в историю восприятия времени в европейской культуре, в историю перехода от циклического времени аграрной

цивилизации к идее бесконечного, линейного, направленного в будущее времени («стрела времени»). Новое восприятие времени создало почву для появления идеи прогресса, которая стала метафизической, почти религиозной основой идеологий индустриализма».

В настоящее время о прогрессе, тем более индустриальном, упоминают локально, а в идейном плане при видимости плюрализма наблюдается стагнация, характерная для «конца истории», когда никто не стремится к прорывным изменениям. В качестве основных возможностей рассматривается масштаб отдельно взятой личности, ее карьерный рост, комфорт и т.п. Постепенно такая направленность проникла и в научную фантастику. Рассмотрим контекст, предлагаемый читателям.

1. Меняется психология человека

Поскольку человек либо носитель человекоподобия (интеллектуального, морфологического, этического и т.п.) остается главным героем фантастической литературы, следует выделить несколько тем, которые раскрывают нового изменившегося героя. О чем нам сегодня предлагается поразмышлять?

– О **механизации человека**, его отношении к жизни, себе и другим фантастика говорила с начала своего существования. Существует в классической фантастике несколько всем известных сюжетов, где человека заменяет робот (к примеру, в пилотировании). И каждый раз по итогу постулируется, что человека полностью заменить нельзя, хотя использовать технику можно и нужно. Она – вспомогательная сила, но не самостоятельный субъект. А человек силен тем, что способен выбиваться из алгоритмов и решать нестандартные ситуации. Протез, машина или гаджет не могут жить самостоятельной жизнью – в парадигме классической фантастики. Если это происходит, то заканчивается неизменно плохо. Потому как ведет к выхолащиванию человека. Так что фактически темы формализма и вырождения подняты в фантастике давно.

Новая фантастика основывает на них каркас типового сюжета, поскольку рассматривает самого человека как функцию. Этот подход не чужд и реальной науке, и характерен в основном для западной психологии, по преимуществу аналитической. Элементы такого подхода можно, впрочем, встретить и в отечественной психологии, в связи с чем хочется вспомнить, что в ЛГУ с 1968 года существовала кафедра эргономики и инженерной психологии, изучающая человека как оператора. И основатель факультета психологии ЛГУ Б.Г. Ананьев напоминал о том, что важно видеть «и в операторе – человека». В этом – глубокий гуманистический посыл. Однако имеется в фантастике такой феномен, как старые произведения, получившие популярность существенно позднее своего первого издания. Такие фантастические произведения, особенно приближенные к киберпанку, характерны тем, что в них сами герои относятся к себе весьма наплевательски, как, впрочем, ко всему, что их окружает. Притом могут быть фанатично преданы своей работе, определяя исключительно через нее собственную идентичность.

Так, Филип К. Дик в романе «Убик» описывает недалекое будущее, где человек становится винтиком системы. Системообразующий элемент – корпорации, которые ведут между собой бесконечную войну. Это согласуется с доковидной повесткой недавнего времени, когда всячески подчеркивалась неэффективность государственного управления на фоне успешной презентации корпораций. Ненавязчивый намек, что глобальные конторы должны заменить собой государство в силу своей эффективности – которая, в свою очередь, подразумевается как самое главное.

Характерно, что в «Убике» механизированы даже паранормальные способности, к примеру, телепатия. Это функция, не уникальность. Она востребована для корпоративного шпионажа.

– О **зависимости от техники**. Нужно указать, что научно-технический прогресс обязателен для научной фантастики на всех ее этапах. Улучшение жизни классические фантасты связывают именно с развитием науки и техники. Лишь на предыдущем этапе, в прошлом человек самостоятелен и обходится руками и топором.

Классика часто подразумевает, что без технического оснащения человек обойтись не может, особенно в космосе. Впрочем, чрезмерная опора на механизмы рассматривается как патология (пример – профессор из цикла рассказов о навигаторе Пирксе). Часто эксплуатируется образ чудака-ученого, обвешанного приборами, и таковой обычно является объектом иронии.

Современная фантастика, а местами уже и реальность изначально подразумевает (впоследствии, впрочем, зачастую опровергая это, например, сваливаясь в архаику), что человек шагу не сделает без механизированных систем, навигации и т.п. Типичны сюжеты, где выбор даже повседневных мелочей обсуждается с электронным помощником, а то и вовсе полностью определяется роботом.

И в классической фантастике уже встречается такой сюжет, к примеру, в рассказе Р. Силверберга «Железный канцлер» – но это трагическая история упитанного семейства, которое робот со сбоем в программе держит на все более строгой диете. И подразумеваемый вывод, который непременно сделает читатель, – что от такой машины, которая перешла к самоуправству, зависеть страшно.

Обычно робот или иной функциональный прибор – это показатель некоторого благосостояния или статуса персонажа, который он может себе позволить в силу материального или служебного положения. Отдельные потребительские мотивы, привязанные к технике, впервые намечены именно в классике жанра, но – для завязки сюжета. Так, «Робот-зазнайка» Г. Каттнера отлично иллюстрирует, как принципиальная интрига стала возможна благодаря бытовой мелочи, заложенной в робота при создании. Однако определяющим звеном в этом рассказе оказывается человек, его порядочность и смекалка. У классиков не предполагался такой расцвет, где человек все время оглядывается на механизмы. Сегодня же постоянный симбиоз человека и гаджетов / роботов / умных вещей преподносится как обыденность и общее место произведений массовой культуры. Так, в трилогии Р. Макбрайта Аллена, написанной на основе трех законов роботехники А. Азимова, колонисты полностью зависимы от роботов, а зачастую вообще общаются только с ними, притом сами почти ничего не умеют делать.

Также надо заметить, что парадигма развития человека / персонажа может не присутствовать в новых произведениях вовсе, а прогресс миссии / сюжета определяется получением новых механизированных возможностей, будь то оружие, системы слежения или открывшаяся случайным образом новая опция сверхспособности. Впрочем, порой присутствует необходимость изменения, «доращивания» себя до новых возможностей, такой вынужденный личностный рост для соответствия новой функции.

– О **перспективах освоения психосферы**. Типовой набор сверхспособностей в классической фантастике и фантастике постмодерна примерно одинаков. Телепатия – способность к общению разумов, умение читать мысли. Телекинез, психокинез – способность бесконтактно перемещать предметы силой мысли. Пирокинез – порождение огня по своему желанию или стихийно. Телепортация – мгновенное перемещение на большие расстояния. Левитация – способность летать. Придуманные некогда еще народным фольклором и обыгранные классиками жанра, эти способности успешно эксплуатируются в современных фантастических сюжетах.

К примеру, П. Гамильтон, автор книг «Звезда Пандоры» и «Иуда освобождённый» (2004–2005) описывает «червоточины, благодаря которым люди за пару секунд преодолевают невообразимые расстояния» – то есть физическое явление, которое служит основой телепортации. Это такой способ упростить путешествия и иные перемещения. Помимо использования возможностей психики и физики, в его мирах далеко шагнула и медицина, разработавшая технологию омоложения и оживления, позволяющую существенно продлить продолжительность жизни. И это «вещи в себе», упрощающие быт, но не служащие развитию. То есть «человек одной кнопки», бывший на предыдущих этапах объектом критики и высмеивания, становится не просто нормой, а нормой либо статистической, либо привилегированной. Статистической – в том случае, если опция

доступна всем, как, допустим, доступ к виртуальным играм; привилегированной – если допуском служит принадлежность к высшей касте, определяемая чаще всего наследованием.

Способности как уникальный навык, позволяющий делать больше, даже в классической фантастике не всегда используются на благо. Так, Г. Каттнер описывает семейство Хогбенов, которое скрывает и свое долгожительство, и другие сверхвозможности для того, чтоб не стать объектом опытов. Они также не развиваются, ведя веками жизнь простых обывателей. Их уникальные навыки просто есть, но ни для чего значительного не применяются.

Важен способ обретения экстраординарных возможностей. Достаточно часто уникальная способность дается при рождении: близнецам у Р. Хайнлайна в романе «Время для звезд», представителям инопланетного вида (как у А. Азимова, «Сами боги»). Либо она приобретается случайно, как телепатия в цикле «Королева Солнца» у А. Нортон. Однако способность обязывает, ее нельзя использовать безответственно, и она становится вехой на пути жизненного развития персонажа.

Именно это продвижение героя, становление личности, характерное для классической литературы в целом, является общим местом и классической фантастики. Даже в фэнтези присутствуют образцы, когда человек должен пройти отбор для того, чтобы получить доступ к обучению и постепенно развивать способность. То есть предполагается планка, некий уровень развития человека и, соответственно, отсеиваются неподходящих индивидуумов. Впрочем, достаточно часто именно изначально неподходящие (главные герои) все же получают доступ к обучению / миссии и впоследствии показывают достойный результат.

2. Этический аспект выводится в качестве основания для сомнений ценности прогресса.

Тематика исследования в научной фантастике присутствует с самого начала, поскольку продвижение вперед в пространстве и времени подразумевает изучение новой реальности. Нельзя не заметить, что исследование идет в связке-конфликте с этическим аспектом. Так, в романе А. Беляева «Человек-амфибия» хирург, изучавший возможности своего ремесла, в итоге осужден по закону, и его деятельность расценена не просто как противоправная, а как богопротивная. В «Голове профессора Доуэля» научная и преступная деятельность неразрывно переплетены.

Новая фантастика в неэтичности заходит дальше. К примеру, С. Лукьяненко в «Рыцарях сорока островов» описывает эксперимент поведенческий, причем проводимый на детях. Дети (произвольно похищаемые с Земли) выживают и ведут борьбу с другими отрядами, они помещены в противоестественные условия.

– О праве человека вторгаться в иные миры. С. Лукьяненко в повести «Планета, которой нет» (1990) называет колонизацию планет землянами «абортом в планетарном масштабе». Это принципиально иное отношение и к миру, и к себе. На планете еще нет разумной жизни, но, возможно, когда-то она могла бы появиться, если б не появление там человека – таков посыл. Следовательно, человек по определению должен стыдиться того, что ему для жизни нужно пространство, еда и т.п. Такова позиция современного экологизма, призывающая человека не расширяться (основной мотив классической фантастики), а ужаться.

Джон Скальци в романе «Обречённые на победу» (2005) описывает типичную для космического противостояния ситуацию, где «инопланетные расы не торопятся делиться с людьми пригодными для жизни планетами», – тут не приходится вспоминать о советских ученых, ожидающих от космических братьев именно дружелюбия и совместной работы. Все это априори нравственно, а Скальци в типичной для современной массовой культуры манере пишет о самом праве на существование армии. Как сказано в описании к книге, «дело в сомнениях, наступающих храбрых бойцов Земли, залитых своей и чужой кровью. Сомнениях в собственной человечности, в том, что проблемы стоит решать с помощью

силы, в некоторых моральных аспектах людской экспансии». То есть военная специальность, подразумевающая определенные навыки и направленность, ставится под сомнение, вперемешку с избытком сцен насилия. Но подобный абсурдный микс уже никого не удивляет.

– Порядочно ли отрывать человека от привычной жизни, да еще без возможности вернуться на Землю?

Классик И. Ефремов такими вопросами не задавался, как и его герои, которые, отправляясь в далекие космические путешествия, точно знали, что покидают Землю навсегда. Подразумевалось, что это выбор волевой личности, продиктованный важными для личности интересами общества, и оно того стоит.

Тот же С. Лукьяненко такими вопросами задается, хотя его героям не очень свойственно роптать на выпавшие испытания, это все-таки еще люди советской закалки. А вот пример «Марсианина» Э. Вейера, также демонстрирующий образец мужества и стойкости в непростом деле выживания, пропитан посылом, что оказаться вот так оставленным – большое несчастье, и виновата в этом плохая система, а человек не должен ставиться в тяжелые условия.

Здесь надо отдельно остановиться на дилемме «индивидуум / коллектив», поскольку и классическая, и новая фантастика предоставляет нам образцы выживания в вымышленных условиях как отдельного человека, так и команды. О сложностях одиночества в психологии достаточно исследований, от синдрома госпитализма у младенцев до изоляции в условиях лишения свободы. Общим местом таких исследований, перекочевавшим в фантастические произведения, является зависимость способности переносить одиночество от волевых качеств субъекта. Безвольный субъект очень быстро теряет всякую мотивацию к любой деятельности и эмоционально «сдувается», у него пропадает интерес к жизни. Отсюда следует, что привычная среда – важная составляющая полноценной жизни, она определяет круг потребностей (особенно высшие), цели и планы человека. Поэтому отправить его в иные миры – безусловно, суровое испытание его личности.

Отправка команды / коллектива нивелирует некоторые сложности одиночества, взамен добавляя необходимость так называемой «притирки». Разумеется, команду нужно готовить и тренировать, о чем имеются соответствующие инструкции в космонавтике. Фантастические допущения относительно того, что можно собрать «всякий сброд» и бросить на сверхсложное задание, остается оставить на совести нерадивых авторов и сценаристов (тем не менее, такие сюжеты популярны). О последнем варианте стоит здесь все же упомянуть именно потому, что он условно снимает то самое этическое противоречие, подразумевается, что таких героев (скорее антигероев, как, к примеру, в «Отряде самоубийц») обществу и командованию «не жалко». Их можно, и даже желательно отправить на опасное задание как расходный материал без перспективы возвращения, убивая двух зайцев. Во-первых, действуя вне рамок, характерных для нормальных социализированных специалистов, «сброд» якобы повышает шансы на успешное исполнение миссии (во всяком случае, таков посыл, транслируемый зрителю / читателю). Во-вторых, невозможность ресоциализации таких персонажей побуждает искать пути от них избавиться; и это – основное отличие современной фантастики от классической. Отступление от научной этики сегодня обсуждается открыто, это и утилизация «лишних людей», и эксперименты сомнительной этики, и т.п.

Классическая фантастика предполагает, что команда будет соответствовать и профессиональным критериям, и этическим. Будь то коллектив лаборатории или экипаж звездолета, герои при должной квалификации понимают необходимость самоограничений. И если делается это для выполнения миссии, то умение вписаться в коллектив – одна из необходимых задач в рамках достижения цели.

Изоляция коллектива задачу усложняет. Одна мысль о том, чтоб остаться с человеком в космосе / снежных заносах надолго, и никого рядом не будет, побуждает по-

иному взглянуть на жизнь в целом. Не слишком ли много мельтешения вокруг нас, не тонем ли мы в мелочах? Это при том, что мелочи становятся в однообразии (в космосе, за полярным кругом) весьма весомыми. Очень важно научиться ладить с тем, кто достался тебе в попутчики. Отделять важное от неважного. Родство и единство целей от сиюминутного раздражения.

Близкий (буквально, территориально) человек одержим идеей фикс, которую ты не разделяешь? Можно все время поддакивать; традиционно так и поступали, чтоб сохранить единство общины. Фантастическая литература приводит различные примеры разрешения такого конфликта. Одна из типовых конструкций, обычно раскрываемая в произведениях в качестве флэшбека: прибывшая команда находит останки и следы борьбы. То есть те, кто не сумел договориться и поладить, закончили противоречия буквально вместе с собой.

В закрытой группе различные свойства человеческой природы зачастую высвечиваются лучше, чем в открытом социуме. Ограничения надо принять и прожить, рушить их или уйти порой невозможно, и по последствиям, которые необходимо всегда просчитывать, уход от правил ведет в куда худшую реальность.

3. Меняется социально-экономическая модель

Здесь стоит отметить развитие **апокалиптического направления** в фантастике. На Земле возникают такие проблемы, которые отбрасывают человечество назад в экономическом, правовом и этическом планах. Это делает невозможным освоение других миров, а самого человека ставит на грань выживания. Примером такого прискорбного положения дел может служить роман Д. Бриана «Почтальон» 1982-85 гг.

Роман «Почтальон» написан в специфическом ключе: он продвигает определенный психологический настрой, который можно определить как «оптимизм вопреки». Этот тон сильно разнится с классической научной фантастикой, о которой зачастую, как ни парадоксально, можно сказать то же самое. Классические герои тоже стартуют обычно отнюдь не из полного благополучия, и в процессе выполнения своей миссии готовы преодолевать трудности, как и герои «Почтальона». Существенная разница – феномен сужения горизонтов, резкое снижение планки запросов. В «Почтальоне» героические усилия должны быть приложены для того, чтоб в условиях разрушенной цивилизации на Земле восстановить хоть что-то, создать приемлемые условия в обозримом будущем. О развитии технологий, освоении новых миров и даже высшем образовании речи не идет, весь роман-посткатастрофа как будто написан под афоризм «Программа максимум – сохраниться! Программа-минимум – уцелеть...». То есть подобная литература обыгрывает социологический постулат о том, что «самым действенным средством парализовать волю населения было быстрое и резкое обеднение подавляющего большинства», для чего и вводится сценарий катастрофы. Предложение стартовать именно из этих условий, подразумевание, что человечество непременно скатится в каменный век или близко к тому – важная предпосылка той научной фантастики, которая продвигается на экранах и сегодня.

Кроме того, на авансцену данного и подобных произведений незаметно выводится ценность комфорта как такового. Если здесь и сейчас тепло и удалось заварить чай, а то и отыскать бутылку хорошего вина – вот и предел мечтаний. Довольно много описаний умиления при нахождении неработающей техники, некогда улучшающей быт – что ясно указывает на формирование особого уровня ностальгии, так сказать, из корыта. Не менее диагностично разглядывание милых мелочей вроде брошек и статуэток – это ведь тоже показатель уровня потребления. Классическая фантастика, подразумевая, что люди будут жить лучше, воздерживалась от восторженных воплей по поводу «бус». И так, новые герои – приземленные и озабоченные сохранением, а не развитием. И эта разница принципиальна.

Свое развитие **идея упадка** получает в новом жанре киберпанка, классические образцы которого приходятся на 1980-90-е годы. В нем описывается будущее типа «высокие технологии – низкий уровень жизни». Среди классиков киберпанка выделяются

У. Гибсон, Н. Стивенсон. Сегодня произведения этого жанра часто экранизируются, и общий их контур примерно знаком каждому. Один из типовых сюжетных ходов: герой привлекается к действию прагматической либо вовсе бестолковой целью вроде той, что он – преданный фанат какой-либо популярной игры; однако впоследствии меняет мотивацию на социальную или даже откровенно альтруистическую. Все это происходит на фоне ужасающей нищеты и отсутствии каких-либо перспектив.

Классика – это энтузиазм. Стоит вспомнить «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких, где сотрудники в Новый год собираются, чтобы продолжить работу. Не все работают из чистого интереса, однако общий фон повышен.

Прагматизм, типичный для нового времени – это всегда первичность вопроса «А что мне за это будет?» К примеру, Парсифаль из «Первому игроку приготовиться» стремится получить главный приз в игре. Впрочем, здесь еще и просматривается идея бегства от реальности – тоже веяние новой фантастики. А в новую фантастику постепенно просачивается упадничество и тематика комиксов, они как бы сплетаются. Следует отметить, что комиксы – низкоинтеллектуальный жанр, а научная фантастика изначально создавалась именно для прогрессивных интеллектуалов.

Полученные результаты и выводы

Таким образом, мы можем говорить о том, что тематически и идейно классическая фантастика и ее современные образцы значительно отличаются. Идея освоения новых пространств постепенно уступает необходимости обустроить имеющееся пространство. Моральный облик покорителя миров заменяется типажом обитателя покоренных миров. Происходит замена энтузиазма на обывательское уныние и/или выживенчество. Персонажи не ставят задачу улучшения из состояния избытка, характерного для прогресса – они вынужденно реагируют на притеснение, пытаются выиграть в жестоком мире или просто спасаются. Потому что развитие технологий более не предполагает улучшение жизни больших масс людей. Социальная солидарность и поддержка постепенно вытесняются идеей враждебности социума и управляющих структур.

В качестве исключения и справедливости ради, нужно заметить, что в сети представлено такое направление, как солярная фантастика – то есть такая, которая принципиально рассматривает будущее исключительно как позитивное, солнечное, отменяя негативные сценарии. Однако пока это направление не представлено массовому читателю должным образом. Рассказы малоизвестных авторов, публикующихся в интернете, пока не делают погоды.

При этом типаж героев остаются разнообразными с точки зрения соотношения внутреннего и внешнего миров. И наиболее активны, что логично, наиболее примитивные, то есть те, для кого все просто. Они и осваивают новый мир, отодвигая тех, кому требуется выработать стратегию, и тем более тех, кто прежде сопоставит план с убеждениями. Можно предположить, что сложность внутреннего мира самодостаточна, и потому такие персонажи обычно менее активны. И хуже находят себе применение в ситуации хаоса, которая стала общим местом современных фантастических сюжетов.

Источники фактического материала

Азимов А. Сами боги. М.: Эксмо, 2008. 384 с.

Аллен Р.М. Калибан. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 476 с.

Беляев А. Голова профессора Доуэля. М.: Мартин, 2021. 176с.

Беляев А. Человек-амфибия. М.: Мартин, 2021. 192с.

Брин Д. Почтальон М.: Азбука-классика, 2004. 384 с.

Вейер Э. Марсианин. СПб: АСТ, 2020. 300 с.

Гамильтон П. Звезда Пандоры. Иуда освобождённый. – М.: Азбука-классика, 2009.

Дик Ф.К. Убик. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

Ефремов И.А. Час быка. М.: Азбука-классика, 2016. 512 с.

- Ефремов И.А. Туманность Андромеды. М.: Народная асвета, 2019. 320 с.
Каттнер Г. Робот-зазнайка. М.: Мир. 1968. с. 194-244.
Каттнер Г. Мы – Хогбены. М: Кристалл, 2003. 160 с.
Клайн Э. Первому игроку приготовиться. – СПб: АСТ, 2018. 480 с.
Лем С. Одиссея навигатора Пиркса. М.: АСТ, 2009. 448 с.
Лукьяненко С. Рыцари сорока островов. Алматы: ЛИА Номад, 1994. с. 121-304
Лукьяненко С. Планета, которой нет Алматы: ЛИА Номад, 1994. с. 305-493
Нортон А. Королева Солнца. М.: АСТ 1999. 480 с.
Силверберг Р. Железный канцлер. М: Антология «Лучше воздержаться», 1990
Скальци Д. Обреченные на победу. Саратов: Аудиокнига своими руками, 2011.
Стругацкий А., Стругацкий Б. Понедельник начинается в субботу. СПб: АСТ, 2019. 320 с.
Хайнлайн Р. Время для звезд. М.: Эксмо, 2014. 352 с.

Библиографический список

- Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. – М.: Издательство Московского университета, 1984.
Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М: Алгоритм, 2000. с.120.

А.Г. Арзаматов

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, Российская Федерация,
кафедра отечественной истории и историографии, старший преподаватель,
E-mail: sandino@inbox.ru

Альтернативные модели советской истории в цикле фантастических романов Василия Звягинцева «Одиссей покидает Итаку»

Аннотация: Известный российский писатель В.Д. Звягинцев работал в жанре альтернативной истории. Известность автору принес цикл романов «Одиссей покидает Итаку». В них с альтернативной историей органично переплелись научная фантастика, детектив-триллер, боевик-экшен, социально-политическая утопия. В статье анализируются представленные А.Д. Звягинцевым альтернативные модели истории гражданской войны, «большого террора», Великой Отечественной войны..., приводятся в качестве сравнения факты из реальной советской истории. С точки зрения альтернативной истории наиболее интересны первые книги: «Одиссей покидает Итаку», «Бульдоги под ковром», «Разведка боем», «Вихри Валгаллы» и «Бои местного значения». Затем фантазмагория альтернативной истории нарастает по мере появления новых романов цикла. В них нет уже никакой имманентной логики развития, никаких причинно-следственных связей между событиями. Понимая это, В.Д. Звягинцев объясняет их вмешательством в земную историю (помощью или противодействием) инопланетных сверхцивилизаций аггров и форзейлей. В то же время, уникальность цикла «Одиссей покидает Итаку» заключалась в том, что его автор не показывал сложившийся альтернативный мир, а прослеживал процесс изменений реальности в результате вмешательства в ход событий извне.

Ключевые слова: В.Д. Звягинцев, альтернативная история, научная фантастика, инопланетные цивилизации, большевики, «белые», «красные».